

Метаболизмы правого популизма во Франции XXI века

Галина Николаевна КАНИНСКАЯ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Адрес: 150003, Ярославль, Советская ул., д. 14. E-mail: kanin@uniyar.ac.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Канинская Г.Н. (2018) Метаболизмы правого популизма во Франции XXI века // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 85–101. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-85-101

АННОТАЦИЯ. В работе анализируется феномен правого популизма в современной Франции. В этом контексте рассмотрены теоретические подходы ведущих французских историков, социологов и политологов к определению популизма. Показаны основные различия в определении популизма разными специалистами. Охарактеризованы такие проявления популизма, как левый, правый, исходящий от народных масс и правящей элиты. Особенности современного правого популизма рассмотрены на примере партии «Национальный фронт» (НФ), возглавляемой Марин Ле Пен. Изучены политико-культурные, электоральные и институциональные факторы, вызвавшие рост популярности НФ. Специфика успеха «фронтистов» на различных выборах, начиная с 2012 г., изложена с точки зрения долгосрочной, среднесрочной и краткосрочной перспектив. Показаны слабости в управлении страной системных правящих левых и правых партий и рост недоверия к ним со стороны гражданского общества. Рассмотрены эволюция Национального фронта со времени основания партии Жан-Мари Ле Пенем и внутрипартийные кризисы. Автор приходит к выводу: несмотря на то что в доктринальном плане «маринисты» не отошли от «национал-попу-

лизма», последовавшие за съездом НФ 10–11 марта 2018 г. тактические действия и смена названия партии наводят на мысль, что партия пытается стать второй системной правой партией Франции. К тому же, прочное утверждение популизма в глобальной политической культуре стало вызовом либеральной демократии в XXI веке, поэтому проявления его можно ожидать и в других крайне правых объединениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правый популизм, национал-популизм, крайне правые, Национальный фронт, национальная идентичность, евроскептицизм

Популизм – наихудшая форма ответа на нарушение демократии.

**P. Rosanvallon.
Le bon gouvernement.
Paris, Seuil. 2015**

Волна популизма, захлестнувшая в последние двадцать лет страны демократии, в том числе и Францию, оживила дискуссии ученых по вопросу о причинах его усиления, формах проявления, программных установках. Отмечается, что «в исторически меняющейся ситуации, когда классические по-

литические системы поражает кризис, когда разрушаются привычные общественные установки, теряются прежние смыслы, когда все знают, что рождается новый мир, но не представляют, какой именно, а он запаздывает прийти на смену старому», тогда и активизируется популизм, строящий свой курс на «иллюзорных и несбыточных» представлениях, «обещая всем перемены, возможность соединения старого с новым, сохраняя при этом собственное лицо» [Wieviorka 2012].

Некоторые методологические подходы

С теоретической точки зрения известный французский социолог М. Вевьёрка характеризует четыре главные разновидности современного популизма [Wieviorka 2017]. К первой он относит левый и правый варианты популизма, подчеркивая, что правый в этой дихотомии более значим, пропитан национализмом, расизмом, ксенофобией и, ведомый харизматическим лидером, ратует за национальное единство, чистоту культуры, нападает с критикой на интеллектуальную элиту и государственную систему, стремясь в то же время стать ее ядром и прийти к власти. Этот «процветающий по всей Европе» правый популизм М. Вевьёрка называет «национал-популизмом» [Wieviorka 2017]. Менее распространенному левому популизму, по мнению М. Вевьёрки, также присущи почитание харизматического лидера, антисистемные, демагогические лозунги, защита закрытости общества, но, в отличие от «национал-популизма», он лишен расистских, националистических выпадов, не враждебен интеллектуальной элите. По сути, левый популизм представляет собой радикальный ответ на современный кризис классических левых партий.

Второй вариант популизма, по определению М. Вевьёрки, не имеет ни левой, ни правой четко выраженной идеологической окраски, а может исходить как «снизу», так и «сверху», иными словами, как от народа, так и от политических верхов. Первый провозглашает малореализуемые, полные противоречивых обещаний лозунги в виде радикального симбиоза частично заимствованных левых и правых идей, а также безоговорочно сориентирован на харизматического лидера. Соглашаясь с М. Вевьёркой, другие французские авторы пишут, что носители такого популизма «представляют себя истинными выразителями интересов народа, глашатаями молчаливого большинства, тех, кого забыли элиты. Они заявляют об отклонениях существующей политической системы, обвиняя в этом истеблишмент. Их главный приоритет – народная воля» [Ivaldi, Zaslove, Akkerman 2017, p. 2].

Популизм верхов также демонстрирует дистанцированность как от левых, так и от правых системных партий, подчеркнуто нацелен на объединение под своими знаменами порвавших с ними граждан, намереваясь тем самым положить конец сложившейся политической системе в случае прихода к власти, и ориентирован главным образом на образованный электорат. М. Вевьёрка не без основания усматривает элементы такого популизма в движении «В путь!» Э. Макрона, победившего на президентских выборах во Франции в 2017 г. под лозунгом: «Ни левый, ни правый».

Наличие третьего типа популизма М. Вевьёрка связывает с возможностью сосуществования и противоборства в одной стране двух или трех из вышеназванных его разновидностей и в качестве примера приводит современную Францию, где открыто соперничают несколько популизмов: левый в рамках партии

«Непокоренная Франция» Ж.-Л. Меланшона, правый – Национального фронта (НФ) Марин Ле Пен, которые находятся в оппозиции к правительству, и верхушки – в партии «Республика на марше» Э. Макрона, находящейся у власти. У радикальных правых, по мнению многих других специалистов, «более высокий уровень популизма», и особенно ярко на французской почве «правый популизм выражен у сторонников М. Ле Пен и Н. Дюпон-Эньяна» [Ivaldi, Zaslove, Akkerman 2017, pp. 1, 6, 8].

Четвертый вариант популизма, названный М. Вевьёркой «интегрированным», отличается тем, что разные его проявления встречаются у находящихся у власти правительств, как это было, например, в Аргентине и ряде других стран Латинской Америки в 1960–1970-е гг. Представляется, что совсем недавно, после парламентских выборов 4 марта 2018 г., такой вариант популизма начал складываться в Италии после формирования правительственной коалиции партий «Лига» и «Пять звезд».

Как подчеркивает именитый французский историк Ж.-Ф. Сиринелли, один из основоположников «культурной истории», многие специалисты во Франции, в том числе и он сам, избегают употреблять термин «правый популизм» в силу его размытости и многовариантности, предпочитая ему выражение «крайняя правая» [Sirinelli 2017]¹ (фр. «*extrême droite*». – Г.К.). Он же утверждает, что во Францию из стран Латинской Америки во второй половине XX в. пришло еще одно толкование правого популизма – «национал-популизм». Впервые ввел его во французский научно-политический лексикон в 1984 г. известный специалист по исто-

рии идей П.-А. Тагиефф, анализируя НФ времен его основателя Жана-Мари Ле Пена. Это определение не потеряло своей актуальности [Ivaldi, Zaslove, Akkerman 2017, p. 3], хотя впоследствии П.-А. Тагиефф, изучая «фронтислов» периода преемницы отца-основателя в руководстве партией – его дочери Марин Ле Пен, уточнил свою оценку, заговорив о появлении на нынешней политической сцене «неонационал-популизма»². В условиях современного глобализирующегося мира Ж.-Ф. Сиринелли вообще предлагает говорить о популизме во множественном числе, подчеркивая тем самым, что в разных странах он имеет собственную специфику и его нельзя «анализировать с национальной точки зрения, как это было возможно для историков и политологов в 80-е гг. прошлого века» [Sirinelli 2017]. Ж.-Ф. Сиринелли высказывает также предположение, что «популизм больше не представляет собой волнообразное движение, как это было 30 лет тому назад, и прочно утвердился в глобальной политической культуре», из чего следует, что «в XXI веке либеральные демократии столкнулись с популистским вызовом» [Sirinelli 2017].

Размышляя над проблемой правого популизма, французские ученые анализируют его через призму знаменитой броделевской периодизации истории на долгосрочную, среднесрочную и краткосрочную³. Не вдаваясь в детали, отметим, что они единодушны в том, что в долгосрочном измерении корни правого популизма уходят в конец XIX в., что процесс его исторического развития шел волнообразно, проявляясь на определенных этапах во Франции в разных идейно-по-

1 Так назван коллективный труд под редакцией известного французского историка Мишеля Винока: [Winoch 1994].

2 Это определение дано уже в названии книги [Taguieff 2012].

3 См., например [Garrigues, Guillaume, Sirinelli 2010; Berstein 2003; Perrineau 2015; Richard 2017; Rosanvalon 2015; Roussellier 2017; Wiewiorka 2012].

литических течениях и группировках: в буланжизме конца 80-х гг. XIX в.; фашизме 1930-х гг.; пужадизме середины 1950-х гг.; лепенизме 1970-х гг. – конца XX в.; наконец, маринизме начала века XXI-го. Каждый всплеск правого популизма во Франции совпадал с тремя глубокими общественными кризисами: экономическим, политическим и кризисом национальной идентичности [Sirinelli 2017]. «Метаболизм» современного национал-популизма, как об этом пишет Ж.-Ф. Сиринелли, возник вследствие серьезных *политико-культурных, электоральных и институциональных* «разломов/расколов» во французском обществе [Sirinelli 2005, p. 35; Garrigues, Guillaume, Sirinelli 2010, p. 125; Канинская 2011, с. 160]. Они повлекли за собой постепенный рост популярности Национального фронта и вели «фронтистов» к успехам на разных выборах, особенно после 2012 г. Какие конкретно трансформации общественно-политической жизни Франции вызвали эти «разломы»?

Политико-культурный контекст

С позиции длительной перспективы истоки поворота французских граждан к поддержке НФ следует искать в процессах, кардинальным образом изменивших социополитическую экосистему Пятой республики, начиная с 1980-х гг. Образно говоря, эту экосистему можно представить таким образом: в основании ее лежит «социокультурный цоколь», состоящий из базовых ценностей общества, наверху располагаются политические институты, а между ними, как пружины, вибрируют «дополнительные составляющие» общества, или граждане – носители базовых ценностей. Институты и ценности далеко не всегда эволюционируют синхронно, и получается, что многое

в жизни страны зависит от реакции на происходящее со стороны этих «дополнительных составляющих» [Garrigues, Guillaume, Sirinelli 2010, pp. 27–28].

С момента основания Пятой республики в 1958 г. и до начала 1980-х гг. Франция жила, говоря словами Ж.-Ф. Сиринелли, в условиях четырех «П»: мира (paix), процветания (prospérité), полной занятости (plein emploi) и прогресса (progrès) [Garrigues, Guillaume, Sirinelli 2010, pp. 25, 537]. В одном из своих недавних выступлений он добавил к этим четырем пятое «П», подразумевая под ним «планетарное процветание» [Sirinelli 2017]. Иными словами, граждане Франции ощущали стабильность своего положения. Однако с 1975 г. наметился рост безработицы, и в 1982 г. в стране насчитывалось уже 2 млн безработных. С того времени их число, то убывая, то вновь возрастая, продолжало увеличиваться (в 2018 г. цифра составила свыше 3 млн 400 тыс.). Проблема безработицы превратилась в болевую точку внутренней жизни Франции; она не только растет, но еще и отягощается тем, что в отдельных районах страны существуют семьи, в которых уже три поколения безработные. Эта хроническая безработица создала трудно преодолимый социальный раскол во французском обществе, стала структурным элементом социокультурной экосистемы и вызвала социальный кризис. Появились новые маргинальные и «исключенные» из общества слои, «новые бедные».

После того как правительство социалиста Ф. Миттерана, пришедшее к власти в 1981 г. под лозунгами «Изменить жизнь» и «Разрыв с капитализмом», отказалось от их реализации в 1982 г., повернув экономическую стратегию на управление рыночной экономикой, а в политическом плане в 1986 г. пошло на сосуществование во власти левых и правых партий, левые перестали олицетворять собой в глазах фран-

цузов тех, кто «заставляет мечтать» [Garrigues, Guillaume, Sirinelli 2010, p. 29]. Консенсус, возникший между левыми и правыми центристами, наряду с ростом безработицы и неудачами правящих коалиций привели к нарастанию общественного протеста и скептицизма по отношению к истеблишменту, политикам перестали доверять, их упрекают в том, что они «превратились в циничную, коррумпированную, некомпетентную и не интересующуюся нуждами народа касту» [Ivaldi, Zaslove, Akkerman 2017, p. 6]. Раскол между гражданами и властной элитой существенно изменил политическую атмосферу в стране. Развился, говоря словами Ж.-Ф. Сиринолли, «кризис репрезентаций, который в дискурсе Национального фронта свелся не просто к критике отдельных политиков, а в целом к нападкам на политические институты и чиновников как олицетворение системы, что вылилось в антипарламентаризм» [Sirinelli 2017].

С позиции среднесрочной к трудностям социально-политическим добавился кризис национальной идентичности, обострившийся по мере притока иммигрантов во Францию. Французское общество еще со времен Третьей республики (1875–1940) строилось на «республиканской модели единства нации путем ассимиляции» и считало незыблемыми такие базовые ценности, как «гражданское общество, светскость, единая нация». Наплыв иммигрантов из мусульманских стран Ближнего Востока в последней трети XX – начале XXI вв. размывал прежние основы государства-нации, рядом с традиционными ценностями возникли новые: «разнообразие, смешанное общество, смешение кровей» [Garrigues, Guillaume, Sirinelli 2010, p. 533]. С одной стороны, либеральная часть общества отстаивает идеи «универсального гуманизма», основанного на признании равенства людей незави-

симо от расы, возраста, пола, профессии, добивается отмены смертной казни [Berstein 2003, pp. 381, 383]. Но с другой, часть французов не желает приспосабливаться к мультикультурному обществу, а прогремевшие в 2012 г. в Тулузе, в январе и ноябре 2015 г. в Париже, в июне 2016 г. в Ницце и двух небольших городках страны теракты в краткосрочной перспективе привели к тому, что «Национальный фронт сумел посеять у части французов твердое убеждение о связи иммиграции и безопасности» [Perrineau 2015].

Помимо внутреннего фактора, на рост правого популизма во Франции определенным образом повлиял фактор внешний, вынуждающий страну в процессе глобализации «крутиться в европейском сообществе, пытаясь сохранить свой вес в условиях растущей мощи других европейских стран» [Garrigues, Guillaume, Sirinelli 2010, p. 533]. В европейском и глобальном измерениях наметилось противостояние «националистов и мондиалистов» (во Франции этот термин употребляют как синоним глобализации. – Г.К.), и «националисты, сгруппировавшись вокруг Национального фронта и пополнив таким образом ряды суверенистов в европейском измерении, стали главными противниками интеграции Франции в неолиберальную Европу» [Richard 2017]. На выборах в Европейский парламент (ЕП) 25 июня 2014 г. они вышли на первое место, набрав 24,9% голосов против 20,8% голосов, поданных за неоголлистов, и 13,98% за социалистов.

Электоральный контекст

Завоевание избирателей Национальным фронтом нарастало по мере выдвижения на первый план во Франции и ЕС проблемы иммиграции, обострившей дискуссии о национальной иден-

тичности по двум направлениям: французской и европейской. Говоря словами признанного специалиста по истории Национального фронта П. Перрино, «НФ – магнит в политической и электоральной системе, утратившей свои традиционные ориентиры» [Perrineau 2015]. Сначала появился классический электорат «фронтистов-лепенистов», состоявший главным образом из представителей «традиционных радикальных правых, считавших, что умеренные правые недостаточно правые» [Berstein 2003, pp. 384, 389, 390–391], что Франции после подписания Маастрихтского договора в 1992 г. и толерантного отношения к иммигрантам грозит потеря национального суверенитета и идентичности. В условиях консенсуса между правящими левыми и правыми партиями по этим ключевым вопросам вокруг Национального фронта консолидировался протестный электорат. В 1990-е гг. в НФ влились французы из народных слоев, так называемые «леволепенисты», обеспокоенные в первую очередь своим социально-экономическим положением. «Иммигрант как источник всех бед и зол для этой категории граждан, среди которой было немало молодежи, заменил собой капиталиста» [Berstein 2003, p. 385]. В отличие от «классических фронтистов», «леволепенисты» не были столь чувствительны к идее «единой нации» и не выражали особой приверженности к религии. Всего 16% голодовавших за НФ объявляли себя практикующими католиками, 35% непрактикующими, тогда как остальные причисляли себя к нерелигиозным гражданам [Berstein 2003, p. 385]. Причем во втором туре разных выборов 1995–1997 гг. половина «фронтистов» голосовала за правых, но четверть все же предпочла левых [Berstein 2003, p. 391]. Приток левого электората в Национальный фронт означал его отток от компартии (ФКП), из районов традиционного ее влияния, так

называемых «бастионов». Иными словами, «леволепенисты» рекрутировались главным образом из рабочих, отвернувшихся от компартии. Показательно, что на выборах в Европарламент (ЕП) 17 июня 1984 г. впервые избирательный список НФ «Фронт национальной оппозиции за Европу Отечества» набрал почти столько же голосов (11%), сколько ФКП (12%) [Richard 2017]. В более широком плане появление «леволепенистов» ударило по всем левым партиям и в конечном счете обернулось «шоком 21 апреля 2002 г.», когда во втором туре президентских выборов впервые противником неоголиста Ж. Ширака стал не социалист Л. Жоспен, как ожидалось согласно всем прогнозам, а Ж.-М. Ле Пен, объявивший себя борцом против «евромондиалистского истеблишмента» и любивший повторять, что с этого момента во Франции произошла «лепенизация сознания» [Richard 2017].

«Классический» социодемографический профиль электората «фронтистов» выглядит следующим образом: мужчины представляют в нем 34%, женщины – 27%; среди молодежи и лиц среднего возраста (35–64 г.) симпатизируют НФ 33%, а среди лиц старше 65 лет – 23%; в плане трудовой деятельности 35% составляют независимые мелкие предприниматели, 41% – наемные труженики, 46% – рабочие, 41% – безработные. Образовательный уровень голосующих за НФ таков: 37% граждан не имеют диплома об образовании; 39% имеют диплом о среднем образовании, а тех, кто получил высшее образование, в этом списке оказалось всего 15%. По показателю уровня дохода видно, что 36% французов, имеющих месячный доход 1250 евро, отдают предпочтение НФ, тогда как тех, чей доход превышает 6000 евро, лишь 19%. В зависимости от религиозной принадлежности в числе сторонников НФ насчитывалось 35% непрактикующих ка-

толиков, 26% протестантов, 25% неверующих, 1% мусульман, в то время как 23% практикующих католиков и 22% еврейской части населения не доверяли «фронтислам» [Perrineau 2015].

Существенная перегруппировка электората в поддержку НФ началась с 2012 г., когда руководство партией перешло в руки М. Ле Пен. Национальный фронт, по определению П. Перрино, стал «национальной партией», «пустил корни во всех социальных слоях», поколение «лепенистов» пополнилось новыми приверженцами – «маринистами». По социальному составу эти последние рекрутировались из среднего аппарата госслужащих (28%), промышленных госпредприятий и медперсонала (30%), составлявших прежде электоральный костяк левых партий. С точки зрения возрастной мобилизации получается, что «35–49-летние французы вошли в политическую жизнь в 1984–1998 гг., то есть социализировались в годы Ж.-М. Ле Пена (36%), а 18–34-летние (33%), голосовавшие в 1999–2015 гг., – уже в годы М. Ле Пен» [Perrineau 2015]. «Маринисты», в отличие от «леволепенистов», примкнувших к НФ в 1990-е гг., никогда не были связаны с ФКП и представляли собой молодое поколение «фронтистов».

После терактов 2015 г. «фронтисты», делавшие обычно ставку на завоевание президентского кресла, активизировались на промежуточных выборах, добившись заметных успехов. На муниципальных выборах марта 2015 г. они завоевали 25,2% голосов, на региональных выборах ноября того же года – 27,9%. Это были самые высокие показатели за всю историю НФ, и это явно свидетельствовало о нарастании национал-популистских пристрастий у электората Франции. Опросы показали, что за НФ голосуют «из 39% респондентов, выступающих за введение смертной казни, 56%; из 50% тех, кто считает, что дети имми-

грантов, родившиеся во Франции, не такие, как французы, 58%; из 54% считающих ислам опасным для Западной цивилизации 45%; из 60%, полагающих, что во Франции слишком много иммигрантов, 47%» [Perrineau 2015]. Наличие подобных настроений подтвердили опросы кануна президентских выборов 2017 г., показавшие, что «80% опрошенных настаивали на том, что политики обязаны следовать за волеизъявлением народа, 58% считали, что наиболее важные вопросы должен решать народ, 68% убеждены в существовании гораздо большего разрыва между элитами и гражданским обществом, чем между самими гражданами, 58% хотели бы, чтобы их интересы защищали не профессиональные политики, а простые граждане, 89% заявляли, что политики мало делают, но много говорят» [Ivaldi, Zaslove, Akkerman 2017]. Кроме того, ряды «фронтистов» пополнились на 37% за счет «абстенционистов», или воздержавшихся на президентских выборах 2012, а также на 20% за счет тех, кто тогда голосовал «белыми», то есть пустыми бюллетенями. И налицо постоянство электората М. Ле Пен. Так, накануне региональных выборов 2015 г. 79% тех, кто голосовал за нее на президентских выборах 2102 г., изъявляли желание снова отдать голоса НФ. Для сравнения отметим, что желание повторить свое голосование за Н. Саркози выражало 78% французов, за Ф. Олланда – 70%, за Ж.-Л. Меланшона – 66% [Perrineau 2015, р. 4]. Вместе с тем тот факт, что для крайне правого электората остаются непреложными такие политические темы, как «враждебность к европейскому строительству, нетерпимость к иммигрантам, стремление к безопасности» [Berstein 2003, р. 402], наглядно подтвердили теледебаты М. Ле Пен и Э. Макрона 3 мая 2017 г. перед вторым туром президентских выборов, по итогам которых из 16,5 млн зрителей 63% посчита-

ли более убедительным нынешнего президента Франции, а 11% «маринистского» электората оказалось обеспокоенным поведением своего лидера, посчитав, что она «говорила об экономике, когда следовало говорить об идентичности» [Жидкова 2018, с. 121–122].

Иными словами, в начале XXI в. питательную среду неонационал-популистскому электорату создают главным образом проблема национальной идентичности и вытекающая из нее забота о национальной безопасности. А вопрос социально-экономический как мотив голосования претерпел своеобразную метаморфозу: в этой области недовольство избирателей вызывает теперь не капиталист, а иммигрант, преимущественно исламского вероисповедания.

Институциональный контекст

Ж.-М. Ле Пен начал строить «фронтистскую» стратегию и собирать протестный электорат на «дьяволизации» своей партии, его сравнивали с фашизмом, С. Хусейном. «Эта специфика НФ сразу сделала невозможным его союз с классическими умеренными правыми и закрывала ему доступ к власти» [Berstein 2003, p. 412]. На политическую авансцену НФ вышел, готовясь к парламентским выборам 1973 г., открыто выступал против партий власти и называл себя «правым». Тогда же впервые Ж.-М. Ле Пен появился на телевидении, а Национальному фронту удалось собрать по стране 1,3% голосов, однако в Парижском округе – 5,2%. На президентских выборах 1974 г. он завоевал 0,7% голосов; по итогам кантональных выборов 1976 г. «фронтистам» досталось из 2000 общего числа 15 постов советников; после муниципальных выборов 1977 г. у них появились несколько муниципальных советников, избранных в ряде случаев во втором туре по

совместным спискам с другими правыми, в том числе в Тулузе, а также один мэр в городке Верхней Гароны с населением 100 тыс. жителей. В то время в рядах НФ насчитывалось 500 чел. Общенациональные парламентские выборы 1978 г. не принесли НФ ощутимых результатов (0,3% голосов), обескровили партию финансово, и она предпочла пропустить участие в кантональных и европейских выборах в 1979 г., сконцентрировавшись на подготовке к предстоящим в 1981 г. выборам президента. Однако Ж.-М. Ле Пену не удалось собрать нужного числа подписей, чтобы зарегистрироваться кандидатом, после чего он призвал своих соратников «голосовать за Жанну д'Арк», не давая других советов [Richard 2017]. Триумфальная победа левых сил на парламентских выборах 1981 г. не оставила «фронтистам», получившим 0,2%, никаких шансов на то, чтобы занять свое место в политическом раскладе. Зато в период этих неудачных попыток прорваться к власти отточились лозунги НФ. В 1978 г. появился первый плакат «лепенистов», на котором на красном фоне белыми буквами было написано: «1 млн иммигрантов – 1 млн безработных! Франция и французы – в первую очередь». Впоследствии лозунг этот не менялся, прибавлялись лишь численные данные: в 1980 г. уже значилось «2 млн», а в 1982 г. – «3 млн» [Richard 2017]. Так уже с первых лет существования НФ его пропагандистская риторика свелась к триптиху: безработица, иммиграция, безопасность. При этом Ж.-М. Ле Пен отвергал звучащие по адресу его партии обвинения в экстремизме. 15 января 1982 г. в вечернем выпуске тележурнала первого канала он сказал, что «ни в методах, ни в доктрине Национальный фронт не является экстремистской партией и предпочитает действовать абсолютно в рамках закона, а не революционным путем» [Richard 2017].

В 1984 г., на выборах в Европейский парламент, проявилась еще одна важная черта партии – евроскептицизм. «Фронтисты» удачно для себя эксплуатировали заимствованный от де Голля лозунг «Европа Отецеств» вместо отстаиваемого социалистами, шираковцами и жискарговцами лозунга «Европейское Отечество» и сумели получить 10 мест евродепутатов. А национальные парламентские выборы 1986 г., впервые прошедшие по пропорциональной системе, позволили «лепенистам» занять 35 депутатских кресел. Примечательно, что НФ на этих выборах набрал столько же голосов, сколько и ФКП, – 10%. Годом ранее, в 1985 г., Ж.-И. Галлу, пришедший в НФ из жискарговской партии ЮДФ, опубликовал книгу «Национальный приоритет. Ответ иммиграции», в которой предлагал предпочитать «право крови праву почвы» [Richard 2017].

В 1987 г. Ж.-М. Ле Пен полностью сосредоточился на президентской кампании. Директором его избирательного штаба стал Бруно Мегрэ, пришедший в 1988 г. в НФ из шираковской партии РПР. Опросы прочили Ле Пену 18% голосов, но, заявив накануне поездки в Израиль, что «газовые камеры – это один из эпизодов Второй мировой войны», он вызвал в стране и за рубежом шквал негодования, лишившись значительной части потенциального электората [Richard 2017]. Хотя националистические заявления Ле Пена единодушно осудили левые и правые партии, все же в рядах последних появились те, кто начал выдвигать идею объединения с «фронтистами» во время выборов. У шираковцев подобную мысль на страницах газеты «Монд» 15 мая 1987 г. высказал М. Нуар. В 1988 г. ради поражения Ф. Миттерана на переговорах Ж. Ширака и Ж.-М. Ле Пена между двумя турами президентских выборов настоял Ш. Паскуа, однако короткая встреча

ожидаемых результатов не принесла, и электорат «лепенистов» во втором туре или воздержался или поддержал победившего Ф. Миттерана. Шираковская партия РПР 8 сентября 1988 г. приняла окончательное решение закрыть двери союзу с НФ, а Ж.-М. Ле Пен, в свою очередь, начал размышлять над тем, как преодолеть 12-летнее маргинальное существование своей партии и превратить ее в партию власти. Ответственным за пересмотр стратегии он назначил Б. Мегрэ, и «фронтисты» повели борьбу за массы, обратив взоры на электорат классических правых партий, на тех представителей народа, кто прежде воздерживался от голосования, и даже на экологистов, напирая на идею «сохранения национальной культуры и природы» [Richard 2017]. Со всей силой зазвучали антииммиграционные мотивы, нацеленные в первую очередь против мусульман. В это время «этнизировался» социальный вопрос, ибо проблема безработицы увязывалась с притоком иммигрантов. На руку «фронтистам» сыграла широко развернувшаяся в 1989 г. в СМИ кампания против ношения платков в школах. «Мегрэтистская» стратегия оказалась успешной. На муниципальных выборах 1989 г. НФ провел своих представителей уже в десятки маленьких коммун, правда лишь в одном городке свыше 9 тыс. жителей. Однако на муниципальных выборах 1995 г. «фронтисты» выставили кандидатов в 90% городов численностью 30 тыс. жителей и избрали 2 тыс. муниципальных советников, завоевали мэрии трех крупных городов: Тулона, Оранжа и Мариньяна. Если в марте 1986 г. у НФ насчитывалось 135 избранных, то в марте 1992 – уже 239 [Richard 2017]. В 1995 г., на президентских выборах за Ж.-М. Ле Пена проголосовало 4,6 млн избирателей, тогда как за победившего кандидата правых Ширака – 6,3 млн, а за его соперника из

правого лагеря Э. Балладюра – 5,6 млн. Сам Ле Пен был разочарован таким результатом, но «мегрэтисты» были вполне довольны, так как впервые за НФ голосовало 30% французов из тех рабочих кварталов, где раньше царил «абстенционизм». В партии тогда уже насчитывалось 40 тыс. членов. В июле 1995 г. во время летнего университета молодежи НФ (МНФ) Самюэль Марешаль, зять Ж.-М. Ле Пена, муж второй его дочери Яны Ле Пен и отчим будущей звезды партии периода «маринизма» Марион Марешаль, выдвинул лозунг: «Ни правые, ни левые: французы!» [Richard 2017]. С этого момента дискурс рассуждений «фронтистов» о будущем Франции начал выстраиваться не сквозь призму социального вопроса, или «борьбы социальной Республики против капитализма, навязанной некогда левым дискурсом», а в контексте борьбы между «мондиалистами и националистами», как это сформулировал в марте 1997 г. Б. Мегрэ.

Дополнительный импульс усилению симпатий к Национальному фронту придал международный контекст. В 1995 г. Ж. Ширак заявил о намерении Франции вернуться в военную организацию НАТО, а в 1997 г. назначил досрочные парламентские выборы в надежде обеспечить более полную поддержку Маастрихтскому процессу в Европе, в связи с чем многим французам показалось, что «рушится все, что создал де Голль, и наступает кризис национальной идентичности. На этом фоне лучше всех выглядел НФ, потому что давно уже во всеуслышание кричал о возникших в традиционных партиях проблемах» [Richard 2017]. В результате на парламентских выборах 1997 г. НФ добился наилучших результатов – 15%, тогда как классические, или системные, правые партии РПР и ЮДФ понесли потери, а выборы выиграли левые, образовав правительство «мно-

жественной левой» во главе с социалистом Л. Жоспеном.

Тогда в рядах шираковцев вновь проявилась мысль о непродуктивности отказа от союза с «фронтистами» во втором туре. На инициативу о сближении с НФ, исходившую от одного из лидеров РПР, в прошлом министра правительства де Голля, «барона» голлизма, как называют таких соратников основателя Пятой республики, А. Пейрефита положительно отреагировал Б. Мегрэ. Но Ж.-М. Ле Пен этому воспротивился, боясь, что «мегрэтисты» возьмут контроль над его детищем – партией. Сам он в это время продолжил действия на ниве дьяволизации НФ. В 1996 г. на летнем университете партии Ле Пен открыто заявил о неравенстве рас, чем вызвал очередную волну протеста в стране против него лично. Поэтому в следующем году он не участвовал в парламентских выборах, зато в 1997 г. ввел своим волевым решением в национальный совет НФ дочь Марин. На собрании совета партии он заявил: «С партиями в раздразе не объединимся, ждем, чтобы собрать их осколки» [Richard 2017]. Тем не менее в марте 1998 г. на кантональных выборах НФ провел 275 советников вместо 239 в 1992 г., причем в половине регионов «фронтисты» победили при поддержке РПР и ЮДФ. По опросам общественного мнения, сторонники «фронтистов» стали предпочитать Ж.-М. Ле Пена нацелившегося на завоевание партии Б. Мегрэ, и с 1998 г. в НФ назревал конфликт. Провозглашая себя республиканцем, Ж.-М. Ле Пен вел себя как авторитарный лидер. В газете «Франс-суар» 5 ноября 1998 г. он писал: «Иногда члены партии и руководство думают, что мои идеи не очень хороши. Это потому, что они не достаточно поняли, чего я хочу... Они не такие политики, как я, у них не такое чутье, как у меня. Иными словами, они не политические шефы, а я – политический шеф.

Я командую своими людьми, как республиканский монарх» [Richard 2017].

Все же по требованию «мергэтистов» в январе 1999 г. прошел внеочередной съезд, на котором они проиграли, и Б. Мергэ ушел из партии. На европейских выборах июня 1999 г. избирательный список Ж.-М. Ле Пена, в котором значился Шарль де Голль, внук и тезка генерала, завоевал 5,7% голосов, и по нему в ЕП прошли 5 депутатов. Очередной шаг на пути к «шоку 21 апреля 2002 г.» на президентских выборах был сделан. Свою избирательную кампанию Ле Пен построил на борьбе против «евромондиализма» и защитника евро Ж. Ширака и сумел пробиться во второй тур с 13,5% голосов против 19,9%, поданных за Ширака, оттеснив социалиста Л. Жоспена на третье место. Во втором туре он поставил личный рекорд, добившись поддержки 11,5% избирателей. Хотя второй тур президентских выборов 2002 г. проходил под знаком небывалого единения всех левых и правых противников Ж.-М. Ле Пена, в институциональном плане во Франции в это время окончательно сложился современный раскол, или «кливаж», как это звучит по-французски, между националистами и мондиалистами, причем как в левом, так и в правом политическом лагере.

В 2007 г. Ж.-М. Ле Пен в пятый раз принял участие в президентских выборах, потерял 1 млн электората и набрал 10% голосов, а парламентские выборы 10 и 17 июня того же года обернулись для НФ катастрофой. За партию было подано 5% голосов – худший результат с 1984 г. Сам Ле Пен проиграл в регионе «Провинция Альпы – Лазурный берег» (фр. PACA), где побеждал в 1997 и 2002 гг. Падение популярности «фронтистов» во многом произошло из-за антисемитских и крайне экстремистских выпадов их лидера. В 2005 г. он заявил, что «нацистская оккупация Франции не была такой уж бесчеловеч-

ной» [Richard 2017], против него был возбужден судебный процесс, и впервые Марин Ле Пен публично дистанцировалась от отца, хотя в 2007 г. возглавила его предвыборный штаб во время президентской кампании и действовала в полном согласии с отцом.

Восхождение «маринизма» в НФ метилось после парламентских выборов 2002 г., на которых М. Ле Пен в Падде-Кале получила наилучший результат из всех «фронтистов» 32%. Тогда же она объединила тридцатилетних в молодежную организацию «Поколение Ле Пен», возглавила ежемесячное издание «Мнение» (L'Avis), положив таким образом начало размышлениям о стратегии партии. В 2003 г. она побывала в США, встречалась с представителями администрации Дж. Буша-мл., еврейской общины, ФБР и ЦРУ. Во время выборов в Европарламент в 2004 г. М. Ле Пен с соратниками выступала в защиту Палестины и нацелилась на завоевание голосов молодежи городской периферии и «интегрировавшихся французов иностранного происхождения» [Richard 2017]. Тогда же они выпустили весьма необычную для «фронтистов», но явно популистскую афишу, изображавшую гваделупянку в голубых джинсах с обнаженным пупком и со слоганом: «Национальность, ассимиляция, социальное восхождение, светскость / Правые, Левые / сломали всё» [Richard 2017]. По сути, это была первая заявка «маринистов» на «национал-республиканский» дискурс, согласно определению известного специалиста по истории французских правых Ж. Ришара [Richard 2017]. Однако на этом же политическом поле удачно сыграл Н. Саркози, победивший на президентских выборах 2007 г., что для НФ обернулось плохими последствиями. На муниципальных выборах 2008 г. «фронтисты» избрали всего 50 советников, на европейских 2009 г. – всего трех депутатов, численность пар-

тии сократилась до 10 тыс., начались финансовые трудности.

Несмотря на то что на съезде НФ 2007 г. Жан-Мари Ле Пен был переизбран председателем партии, все понимали, что это его последний срок, и к получению партийного наследства активно готовилась второй по значимости лидер «фронтистов» на то время Марин Ле Пен. Популярность ее в стране стремительно росла в связи с тем, что, в отличие от отца, всегда отказывавшегося от работы в провинции, М. Ле Пен укрепляла свое влияние именно на местах. На парламентских выборах 2007 г. она единственная из «фронтистов» во втором туре по 14 округу в Па-де-Кале завоевала 41,6% голосов. Наряду с успешным маршем за пределами Парижа М. Ле Пен развернула не менее активную работу по «дедьяволизации» НФ. Первым шагом на этом направлении стал отказ от антисемитизма. В публикациях в газете «Фигаро» 7 декабря 2010 г. и в журнале «Пуэн» 3 февраля 2011 г. она выступила с осуждением концлагерей и Холокоста. Главным объектом нападков со стороны М. Ле Пен отныне был выбран исламизм. Во время региональных выборов марта 2010 г. на афише НФ вместо гваделупянки уже была изображена дама в никабе на фоне минарета на карте Франции и с алжирским флагом, а новый слоган звучал: «Нет исламизму». Публичные выступления М. Ле Пен сопровождалась критикой пищи «халляль» в столовых быстрого питания, моления мусульман на улице, которые она называла новой Оккупацией. На региональных выборах 2010 г. «фронтисты» избрали 118 региональных советников, получив 11,5% голосов, что было еще меньше, чем в 2004 г., но уже больше, чем в 2008 и 2009 гг. С осени 2009 г. начался приток в НФ новых членов. Когда в 2011 г. в Туре открылся 24-й съезд партии, в ней состояло уже

20 тыс. французов. На съезде М. Ле Пен одержала безусловную победу, возглавила НФ, и спустя два месяца «маринисты» получили на кантональных выборах 15%.

В плане политической институционализации с этого времени и вплоть до президентских и парламентских выборов 2017 г. «маринисты» неуклонно двигались к желаемой цели стать партией правительства. В 2012 г. М. Ле Пен выпустила книгу «Чтобы Франция жила» (*Pour que vive la France*), где изложила популистскую, антилиберальную и антимонодиалистскую, а потому мало реализуемую на деле программу, призывая к борьбе против «апатридного» ЕС, к установлению протекционистских границ в Европе, за «Европу Отечества», выход из общего командования НАТО, возвращение к франку, национализацию Банка Франции, сохранение госслужб в сельской местности и возможность референдума по выходу из ЕС. В социальной сфере она предлагала вернуть выход на пенсию с 60 лет, реформировать СМИК, сохранить социальные выплаты. Вторым важным программным пунктом М. Ле Пен с 2010 г. стал антиисламизм, поскольку исламизм объявлен главной опасностью для Франции.

Между тем с учетом вышеизложенных политико-культурного и электро-рального контекстов национал-республиканская стратегия «маринистов», выступивших на выборах 2012 г. под именем «Объединение темно-синих» и с заявлением об открытости для союза «патриотам, суверенистам и независимым» [Richard 2017], возымела эффект. НФ собрал 14% голосов, провел в парламент двух депутатов. На муниципальных выборах 2014 г. «маринисты» в провинции с первого тура завоевали одну мэрию, со второго 10; на европейских выборах, как уже было отмечено, стали первой партией; в сентябре

2015 г. впервые с помощью разных правых избрали двух сенаторов. Успешными были департаментские и региональные выборы 2015 г., прошедшие соответственно в марте и ноябре и подтвердившие, что НФ превратился в главную партию страны, ибо он один собрал 5,1 млн голосов, тогда как все левые и другие правые вместе получили по 7,4 млн [Richard 2017]. На пользу М. Ле Пен шли ее отказ от антисемитизма, четко занятая позиция осуждения режима Виши. В 2015 г. после очередных высказываний Ж.-М. Лепена в прежнем духе по поводу газовых камер в нацистских лагерях смерти его исключили из НФ. Весьма осмотрительно повела себя М. Ле Пен во время бушевавших в стране дискуссий по проблеме однополых браков. Она их осудила, но в манифестациях протеста против таких браков не участвовала.

На президентских выборах 2017 г. М. Ле Пен стояла совсем близко от победы, успешно прошла первый тур, но, как уже упоминалось, неудачно выступив на теледебатах между двумя турами, проиграла Э. Макрону. Хотя полученный ею во втором туре результат (33,9%) оказался для партии рекордным за всю ее историю, «с учетом ожиданий в 40%» [Жидкова 2018, с. 122] его в избирательном штабе партии посчитали неудачным. После парламентских выборов 2017 г. число депутатов НФ возросло с двух до восьми, однако для формирования собственной парламентской группы этого недостаточно.

На фоне электоральных неудач в НФ разгорелись внутрипартийные дискуссии между «суверенистами», защищавшими идею восстановления национального суверенитета Франции и,

в частности, отказ от «евро», лидером которых был Ф. Филиппо, руководивший избирательным штабом М. Ле Пен в 2017 г., по сути второй человек в партии, и теми «маринистами», для которых приоритетными были вопросы социальной политики, иммиграции и национальной идентичности и которых вела за собой М. Марешаль, племянница М. Ле Пен. В итоге в сентябре 2017 г. Ф. Филиппо покинул партию, М. Марешаль заявила о приостановке политической деятельности по личным обстоятельствам, тогда как сама М. Ле Пен вплотную занялась реформированием партийной стратегии, чтобы превратить НФ в партию власти.

Последний съезд Национального фронта, проходивший в Лилле 10–11 марта 2018 г., стал и последним съездом партии с таким названием. 79,9% делегатов поддержали идею смены названия партии на «Национальное объединение» (НО) (Rassemblement National) и одобрили новый Устав⁴. Выступая на съезде 1 час 20 минут, М. Ле Пен провозгласила: «Борьба, которую мы ведем, носит цивилизационный характер, ибо мондиализм и исламизм представляют собой две идеологии, стремящиеся к мировому господству»⁵. Девизом этой борьбы М. Ле Пен, выступая, сделала слоган: «Преимственность, Защита, Свобода». Раскрывая его смысл, она употребляла типично национал-популистские формулировки. Так, преимственность в ее понимании означает что «передача культурного наследия, его ценностей, идентичности, души должна стать не только правом, но и обязанностью народа»⁶. Объявляя приоритетной защиту французских граждан, М. Ле Пен, от-

4 Congrès de la Refondation du Front National (2018) // FN53.fr, March 12, 2018// <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/>, дата обращения 27.03.2018.

5 Congrès de la Refondation du Front National (2018) // FN53.fr, March 12, 2018// <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/>, дата обращения 27.03.2018.

метила, что к числу ее задач относится «восстановление авторитета государства и борьба с коммуитаризмом, что террористические акты нужно расценивать как военные действия, достойным ответом на которые послужит заслуженное наказание, а монстры-исламисты должны лишаться гражданства вместе с их женами как соучастницами»⁷. Наконец, свобода в трактовке М. Ле Пен предполагает «осуждение тирании политкорректности и свободу высказываний, а Национальная Ассамблея с этой точки зрения являет собой пародию на демократию».

Выступая на съезде, М. Ле Пен уточнила и свой «европейский» проект в преддверии выборов в ЕП в мае 2019 г. Вместо Европейского Союза (ЕС) она предложила создать Союз европейских наций (ЕЧН) с соответствующими коррективами юридических норм⁸.

Не осталось незамеченным и выступление на съезде НО бывшего советника Д. Трампа С. Бэннона, подчеркнувшего, что «популисты и суверенисты должны гордиться своим присутствием на съезде, решения которого могут положить конец европейской империи с ее диктатом единомыслия»⁹. С особым пафосом он произнес: «Вы боретесь за вашу свободу? А вас называют “ксенофобами”. Вы боретесь за свою страну? А вас называют “расистами”. Но времена оскорбительных значений этих слов прошли... Носите их с честью, потому что каждый прожитый день делает нас более сильными, а наши противники слабеют»¹⁰.

Судя по риторике, прозвучавшей на последнем съезде Национального объединения, напрашивается мысль о том, что в доктринальном плане «маринисты» не отошли от национал-популизма. Однако последующие тактические действия поменявшей название партии наводят на некоторые выводы о том, куда в институциональном плане двигаются как партия М. Ле Пен, так и в целом все правые политические силы Франции. Не так давно М. Ле Пен встретила с Т. Мариани, экс-министром Н. Саркози и пока еще членом правой партии «Республиканцы», чтобы обсудить возможность совместного выступления на европейских выборах 2019 г. Известно, что Т. Мариани давно ратует за избирательный союз «Республиканцев» с разными крайне правыми, в том числе и «маринистами», отдаваясь от своей партии, настроенной пока против такого сближения [Laubacher 2018, p. 16]. Возникает вопрос о том, не стоит ли сегодня на повестке дня во Франции новая перегруппировка правых. В этой связи заслуживают внимания суждения вышеупомянутого Ж. Ришара. Он утверждает, что «политическая семья» правых делится на два течения: неолиберальное, представители которого «уповают на то, что однажды все человечество будет жить в глобальном капиталистическом обществе потребления», и националистическое, «заостряющее внимание на социокультурных особенностях каждого народа, давно укоренившихся на почве языка и традиций», и уверен, что «со-

6 Congrès de la Refondation du Front National (2018) // FN53.fr, March 12, 2018// <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/>, дата обращения 27.03.2018.

7 Congrès de la Refondation du Front National (2018) // FN53.fr, March 12, 2018// <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/>, дата обращения 27.03.2018.

8 Congrès de la Refondation du Front National (2018) // FN53.fr, March 12, 2018// <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/>, дата обращения 27.03.2018.

9 Congrès de la Refondation du Front National (2018) // FN53.fr, March 12, 2018// <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/>, дата обращения 27.03.2018.

10 Congrès de la Refondation du Front National (2018) // FN53.fr, March 12, 2018// <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/>, дата обращения 27.03.2018.

гласие между этими двумя семьями невозможно» [Richard 2017]. Вопрос о том, кто станет лидером в первой «семье», согласно Ж. Ришару, будут оспаривать между собой «Республиканцы» и партия Э. Макрона «Республика на марше» при условии, что ему удастся создать крепкую партию. А на лидирующее положение во второй «семье» сделала серьезную заявку М. Ле Пен, партия которой вполне может стать «системной». Что в таком случае произойдет с популизмом во Франции, время покажет, но, ссылаясь на вышеприведенное мнение Ж.-Ф. Сиринелли о прочном утверждении популизма в глобальной политической культуре как вызов либеральной демократии в XXI в., следует ожидать его проявления в других крайне правых объединениях.

Список литературы

- Жидкова А.В. (2018) Национальный фронт после выборов 2017 года: проблемы и перспективы развития // Клинова М.В., Кудрявцев А.К., Рубинский Ю.И., Тимофеев П.П. (ред.) Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути. М.: ИМЭМО РАН. С. 121–122.
- Канинская Г.Н. (2011) О ритмах экосистемы Пятой республики во Франции // Международная жизнь. № 5. С. 159–164.
- Berstein S. (ed.) (2003) *Les Cultures Politiques en France*, Paris: Seuil.
- Garrigues J., Guillaume S., Sirinelli J-F. (eds.) (2010) *Comprendre la V-e République*, Paris: PUF.
- Ivaldi G., Zaslove A., Akkerman A. (2017) *La France Populiste?* // Note de recherche ENEF / Sciences Po-CEVIPOF, no 30, 2017 // <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01491961>, дата обращения 25.03.2018.
- Laubacher P. (2018) *Le Pen et Dupont-Aignan Draguent Mariani* // *L'Obs*, № 2786 du 29 mars au 4 avril. 16.
- Perrineau P. (2015) *La Dynamique du Front National* // Note de Recherche ENEF/Sciences Po-CEVIPOF, Note #2 / vague 1/ décembre 2015 // <https://www.enef.fr/les-notes/>, дата обращения 25.03.2018.
- Richard G. (2017) *Histoire des Droites en France de 1815 à Nos Jours*, Paris: Perrin.
- Rosanvalon P. (2015) *Le Bon Gouvernement*, Paris: Seuil.
- Roussellier N. (2017) *La Force de Gouverner. Le Pouvoir Exécutif en France. XIX–XXI-e Siècles*, Paris: Gallimard.
- Sirinelli J-F. (2005) *Comprendre le XX-e Siècle Français*, Paris: Fayard.
- Sirinelli J-F. (2017) *Le Populisme en France depuis la Fin du 19e Siècle* // Canal UA // <http://canal-ua.univ-angers.fr/avc/courseaccess?id=3758>, дата обращения 25.03.2018.
- Taguieff P-A. (2012) *Le Nouveau National-populisme*, Paris: CNRS.
- Wieviorka M. (2012) *Le Front National, entre Extrémisme, Populisme et Démocratie* // http://counterpoint.uk.com/wp-content/uploads/2013/04/507_CP_RRadical_French_web.pdf, дата обращения 25.03.2018.
- Wieviorka M. (2017) *Les Quatre Points Cardinaux du Populisme* // *Penser Global*, February 6, 2017 // <https://wieviorka.hypotheses.org/794>, дата обращения 25.03.2018.
- Winoch M. (ed.) (1994) *Histoire de l'Extrême Droite en France*, Paris: Seuil.

The Metabolism of the Right Populism in France of the 21st Century

Galina N. KANINSKAYA

DSc in History, Professor, Chair of the World History Department, Demidov Yaroslavl State University. Address: 14, Sovetskaya St., Yaroslavl, 150003, Russian Federation. E-mail: kanin@uniyar.ac.ru

CITATION: Kaninskaya G.N. (2018) The Metabolism of the Right Populism in France of the 21st Century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 85–101 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-85-101

ABSTRACT. *The phenomenon of a right populism in modern France is analyzed. In such context, the theoretical approaches of leading French historians, sociologists and political scientists to the definition of populism are considered. The main differences in the definition of populism by different specialists are shown. Different manifestations of populism such as the left-, right-wing, and emanating from the masses and the ruling elite are characterized. The features of a modern right-wing populism are reviewed on the example of the National Front Party (NF), headed by Marin Le Pen. The political, cultural, electoral and institutional factors that led to the growing popularity of the NF are studied. The specifics of the success of the “fronts” in various elections, beginning in 2012, are presented in a “long-term”, “medium-term” and “short-term” perspective. Weaknesses in governing the country of systemic ruling left and right parties, and the growth of distrust towards them by civil society are shown. The evolution of the National Front since the founding of the party by Jean-Marie Le Pen and internal party crises are considered. The author comes to the conclusion that, despite the fact that in the doctrinal plan the “marinists” have not moved away from the “national populism” that followed the NF congress on March 10–11, 2018, tactical actions and a change in the name of the party suggest that that*

the party is trying to become the second system right-wing party in France. Besides, the strong assertion of populism in global political culture has become a challenge to liberal democracy in the 21st century, so it could be expected to manifest itself in other far-right associations.

KEY WORDS: *Right populism, national-populism, extreme right, the National Front, national identity, Euroskepticism*

References

- Berstein S. (ed.) (2003) *Les Cultures Politiques en France*, Paris: Seuil.
- Garrigues J., Guillaume S., Sirinelli J-F. (eds.) (2010) *Comprendre la V-e République*, Paris: PUF.
- Ivaldi G., Zaslove A., Akkerman A. (2017) La France Populiste? *Note de recherche ENEF / Sciences Po-CEVIPOF*, no 30, 2017. Available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01491961>, accessed 25.03.2018.
- Kaninskaya G.N. (2011) O ritmakh ekosistemy Pyatoj respubliki vo Frantsii [On the Rhythms of the Fifth Republic Ecosystem in France]. *International Affairs*, no 5, pp. 159–164.
- Laubacher P. (2018) Le Pen et Dupont-Aignan Draguent Mariani. *L'Obs*, № 2786 du 29 mars au 4 avril. 16.

Perrineau P. (2015) *La Dynamique du Front National. Note de Recherche ENEF / Sciences Po-CEVIPOF, Note #2 /vague 1/ décembre 2015.* Available at: <https://www.enef.fr/les-notes/>, accessed 25.03.2018.

Richard G. (2017) *Histoire des Droites en France de 1815 à Nos Jours*, Paris: Perrin.

Rosanvalon P. (2015) *Le Bon Gouvernement*, Paris: Seuil.

Roussellier N. (2017) *La Force de Gouverner. Le Pouvoir Exécutif en France. XIX–XXI-e Siècles*, Paris: Gallimard.

Sirinelli J-F. (2005) *Comprendre le XX-e Siècle Français*, Paris: Fayard.

Sirinelli J-F. (2017) *Le Populisme en France depuis la Fin du 19e Siècle. Canal UA.* Available at: <http://canal-ua.univ-angers.fr/avc/courseaccess?id=3758>, accessed 25.03.2018.

Taguieff P-A. (2012) *Le Nouveau National-populisme*, Paris: CNRS.

Wieviorka M. (2012) *Le Front National, entre Extrémisme, Populisme et Démocratie.*

Available at: http://counterpoint.uk.com/wp-content/uploads/2013/04/507_CP_RRadical_French_web.pdf, accessed 25.03.2018.

Wieviorka M. (2017) *Les Quatre Points Cardinaux du Populisme. Penser Global*, February 6, 2017. Available at: <https://wieviorka.hypotheses.org/794>, accessed 25.03.2018.

Winoch M. (1994) *Histoire de l'Extrême Droite en France*, Paris, Seuil.

Zhidkova A.V. (2018) *Natsional'nyj front posle vyborov 2017 goda: problemy i perspektivy razvitiya* [The National Front after the Elections of 2017: Problems and Development Prospects]. *Frantsiya pri prezidente Emmanuehle Makrone: v nachale puti* [France under President Emmanuel Macron: at the Beginning of the Road] (eds. Klinova M.V., Kudryavtsev A.K., Rubinskij Yu.I., Timofeev P.P.), Moscow: IMEMO RAN, pp. 121–122.